

Сталкиваясь с теоретическими проблемами историко-культурного наследия, я часто задавался вопросом о происхождении самого культа наследия¹, о корнях этого феномена. Почему людям так важно любоваться и пользоваться именно этими зданиями, ходить именно по такому маршруту, высаживать деревья именно в таком порядке?.. Часто эстетически непривлекательные, нефункциональные объекты наследия требуют к себе повышенного внимания, требуют огромных капиталовложений и мобилизуют людей на собственную охрану, а нередко и защиту. В самом деле, феномен... К сожалению, в доступной литературе я не нашел удовлетворительного ответа на свои вопросы. Пришлось потрудиться и составить собственное небольшое исследование относительно истоков культа наследия. Сразу необходимо оговориться, что оно не будет касаться истории законодательного и организационного оформления охраны памятников.

Будучи социально-культурным антропологом, я рассматриваю наследие как один из многочисленных культурных институтов человечества, таких как семья, религия, представления о хозяйственном цикле и т.д. Анализируя различные варианты систематизации возможных концепций генезиса культа наследия, я пришел к выводу о том, что стандартная схема развития научной антропологии вполне может быть использована и для упорядочения данного вопроса. Таким образом, условно выделены несколько самых распространенных теорий происхождения наследия: эволюционная, диффузионная, функциональная, конструктивная и структурная. На мой взгляд, они практически исчерпывают набор объяснений, встречаемых в работах различных авторов и в популярных СМИ.

Ниже попытаюсь дать краткую характеристику каждой теории, с тем чтобы читатель мог составить собственное мнение, а также чтобы породить сомнения у поклонников той или иной точки зрения и в перспективе в ходе дискуссии выработать, возможно, некое новое видение.

Эволюционизм²

Самой распространенной версией происхождения культа наследия является теория эволюционного накопления осознаваемых ценностей архитектуры. Согласно ей раньше будто бы люди не умели ценить памятники старины, не оказывали им должного внимания и уважения. Им ничего не стоило разрушить памятник, разобрать его на строительный материал. Сохранность определенных объектов при этом объясняется прочностью их изначальной постройки. Затем люди начали сохранять и ремонтировать (даже восстанавливать после разрушений) наиболее красивые здания (первая базовая ценность – художественная). Следующим этапом стало сохранение и почитание зданий, напоминающих о наиболее славных событиях прошлого (осознание исторической ценности). После этого счастливую участь быть сохраненными разделили и просто самые старые здания (ценность времени).

Данная теория эволюции ценностного наполнения наследия была сформулирована в работах первых теоретиков наследия – Д. Рёскина³, А. Ригла⁴, М. Дворжака⁵ и других.

¹ В данной статье слово «культ» используется для обозначения усиленной формы почитания. Пожалуй никто не станет отрицать возвышенное, трепетное отношение каждой культуры к собственному актуальному наследию.

² Эволюционализм – направление в культурной антропологии, определяющее развитие общества через последовательную трансформацию институтов материальной и духовной культуры от простых форм к более сложным.

³ Ruskin D. The seven lamps of architecture. – London: London Waverley Book Co, 1920. – 296 p.

⁴ Riegl A. Nowoczesny kult zabytków. Jego istota i powstanie // Zabytek i historia. – Warszawa: Mowia wieki, 2007. – S. 191–202.

⁵ Dvořák M. Katechismus památkové péče. – Praha: Národní památkový ústav, 2004. – 195 s.

«Эволюционисты» говорят и о постепенном нарастании объема охраняемого наследия по мере смены исторических периодов: в эпоху Ренессанса начали охранять античное наследие, в XVIII в. – взялись за готику. Конец XIX и начало XX вв. стали вершиной эволюционной модели, когда за памятником признали право на содержание исторических напластований, стали охранять не стиль, а собственно объект во всем богатстве его внутренних культурно-исторических смыслов.

Довольно забавно бывает читать труды указанных теоретиков XIX в., ругающих безвкусицу современной им новой застройки центральных проспектов Парижа или Вены. Теперь эти строения, возникшие на месте средневековых городских кварталов, сами стали ценнейшими памятниками.

Однако при ближайшем рассмотрении мы обнаружим, что в каждой исторической эпохе, начиная с античности, имелись примеры особого отношения к наследию, природу которого историкам иногда очень сложно объяснить, учитывая довлеющую псевдоэволюционную гипотезу об интеллектуальной «недоразвитости» предшествующих поколений.

Например, древнеримский император Север Александр (222–235 гг.) на основе эдикта императора Веспасиана (69–79 гг.), которого называли «консерватором зданий публичных и реставратором частных», 12 декабря 222 г. издал распоряжение, запрещающее разрушения больших старых зданий с целью спекуляции стройматериалами. На практике это означало охрану некоторых построек, сохранившихся еще с предыдущих эпох. Подобным образом, хотя еще и не в заботе об исторических ценностях памятников, а скорее в целях сохранения их замечательных художественных качеств император Константин Великий в своем распоряжении определил наказание каждому, кто уничтожал либо демонтировал какие-либо украшения с монументальных зданий. Императоры Домициан, Гордиан, Септимий, Каракалла и Майориан инициировали консервацию общественных зданий и приказали выполнять начатые работы без нарушения художественных качеств ремонтируемых объектов. Так, например, известен эдикт Майориана (457–461 гг.), запрещающий повреждение монументальных сооружений Рима как воплотивших его славу и красоту. Этот эдикт находится в несомненной связи с политикой Майориана, пытавшегося (хотя и безуспешно) возродить силу и авторитет императорской власти, противостоять натиску варваров. Архитектура Рима периода расцвета была для него символом былого величия империи, имевшим в тот момент очевидную политическую окраску.

Проводимые в то время реставрационные работы касались прежде всего храмов либо других зданий общественного предназначения, например театров. Основывались они на укреплении ослабших фрагментов, установке на прежнее место упавших деталей. Кое-где отсутствующие части воспроизводились в первоначальном виде. Безусловно, делалось это современными ремонту способами – понятие аутентичности технологии зародилось только в XX в. Однако уже тогда руководители городов проводили санацию застройки, удаляя у ремонтируемых объектов позднейшие пристройки.

Намерение сохранения старинных зданий в понимании римских императоров – наследников первой мировой империи – могло быть признаком заботы о поддержании памятников, выражающих вечную нерушимость Рима. В то же время начинание вестгота Теодориха II (453–466 гг.) имело совершенно другую природу.

Занимаясь сохранением уже тогда исторических зданий античного Рима, этот «варвар» заботился о сооружениях, построенных предками его непосредственных военных противников. Он победил римлян вооруженным путем, но был очарован его старинной славой и собирался стать ее продолжателем. Для этого наделил своего секретаря историка Кассиодора обязанностями консерватора памятников и издал в 485 г. эдикт, запрещающий разрушение старинных построек. В порыве лести к правителю,

восхваляя современность, его упомянутый историк записал, что «скорее горы разрушатся, чем наследие Рима⁶».

Однако несмотря на изданные постановления обветшавшие здания все равно ломали и возводили на их месте новые. Части старых зданий нередко рассматривались как материал для создания нового архитектурного произведения. Уже в позднеантичный период не только колонны, но и другие элементы убранства, включая скульптурные горельефы, переносили с одних сооружений на другие. Так же поступали мастера раннего средневековья, используя детали античных зданий при строительстве новых церквей или модифицируя языческие постройки для христианских храмов.

За неимением достаточного количества письменных свидетельств о приведенных исторических фактах, мы на самом деле можем строить лишь предположения о действительных мотивах действий людей из той далекой эпохи. Действительно, некоторые идеи охраны памятников еще не были тогда сформулированы (да и само понятие «охрана памятника» вряд ли существовало). Тем не менее, утверждать заранее о примитивности их мотивации было бы неправильно. В любом случае, процесс принятия решения тогда, как и сейчас, был результатом анализа множества взаимовлияющих факторов.

Кроме всего прочего в XIX–XX вв., когда эволюционная теория уже завершала свое оформление, исследователи позволяли себе считать, что у греков и римлян отсутствовало историческое восприятие времени в его современном понимании. Теперь наличие исторической памяти в период Античности обосновано. Таким образом, теория эволюции ценностей с позиций нынешней науки вызывает обоснованные сомнения.

Разберемся с «накопительным» аспектом «эволюционизма». История действительно демонстрирует нарастание типологического разнообразия наследия. Если исторический рост объема представляет собой охрану последовательно объектов предшествующих эпох по мере их историографического пополнения и является довольно естественным процессом (в последнее время архитектурное наследие «приросло» советскими памятниками), то типологический рост значительно ускорился именно в прошлом столетии. С парадных и культовых объектов в городах консерваторы переключились сначала на рядовую каменную жилую застройку. Затем охраняться стало деревянное наследие, промышленное. Теперь охраняют и сельское архитектурное наследие, и даже целые культурные ландшафты, включающие пространственную компоновку, элементы инфраструктуры, экосистему и хозяйственный уклад определенной ценной территории. Пожалуй, рост типологического разнообразия наследия уже достиг своего предела.

Найти внешнее объяснение подобной эволюции просто: охраняется все, что подвергается угрозе исчезновения. Рождение охранного движения совпадает со временем наиболее мощной модернизационной волны XIX в. Однако эволюционная концепция остается описательной и не дает объяснения внутренних, глубинных причин этого явления.

В связи с общей тенденцией роста объема наследия необходимо упомянуть о том, что процесс этот все равно не линейный, так как одновременно имеет место феномен девальвации наследия. Часто под различными предлогами подвергаются уничтожению (причем беспротестному) многие достаточно старые объекты, имеющие историческую ценность. Например, во времена СССР некоторые российские интеллектуалы поддерживали и обосновывали практику закрытия, демонтажа многочисленных культовых зданий: церквей, костелов, мечетей. Но не только культовых: в 1930-е гг. Москва лишилась стены Китай-города, Сухаревской башни и некоторых других объектов. В белорусских городах сносились ратуши. Теперь на постсоветском пространстве постепенно уничтожаются памятники коммунистическим деятелям, выполняющие иногда

⁶ Rymaszewski B. O przetrwanie dawnych miast. – Warszawa: Arkady, 1984. – S. 11.

важную композиционную функцию и являющиеся значительными архитектурными и художественными объектами. Практика охраны наследия в западных странах также сталкивалась с подобными явлениями. Исследование этого процесса девальвации наносит, кстати, еще один удар по теории эволюции ценностного наполнения.

В последнее время на гродненских блогах появились призывы к демонтажу под различными предлогами здания Областного драматического театра. Думаю, это никогда не будет реализовано, однако симптоматична сама постановка вопроса по отношению к уникальному и однозначно претендующему на перспективное включение в список наследия объекту.

Диффузионизм⁷

Диффузионизм в данном исследовании, как концепция происхождения культа наследия, имеет мало общего с классической антропологической концепцией культурного диффузионизма. В данном случае речь скорее об обмене идеями, о взаимообогащении различных гуманитарных и технических наук.

Довольно сложно определить, к какой сфере знания относится теория наследия, откуда она взяла больше – из истории, культурологии, искусствоведения или из теории архитектурной консервации и реставрации. В самом деле речь тут может идти только об идейной диффузии.

Возникновение идеи о недопущении повреждения и уничтожения архитектурных объектов, осознание необходимости его регулярных ремонтов с минимизацией изменений внешнего облика невозможно в первую очередь без определенного уровня развития исторических представлений. У древних римлян такие представления уже точно имелись. Вероятно, они были достаточно развиты и у древних греков. Для того чтобы воспроизводить старый внешний облик объекта необходимо также наличие культуры графической фиксации архитектуры. Безусловно, древние цивилизации обладали и такими навыками. Несмотря на приведенный выше материал говорить о существовании полноценного института охраны наследия в Древнем Риме еще затруднительно.

Именно XIX в. был веком институализации исторической науки, и именно тогда возникла современная теория охраны наследия. Труды ее родоначальников походили скорее на философские эссе. Информации об истории памятника, о событиях, связанных с ним, они предпочитали рассуждения о тех ценностях, которые он в себе содержит. Именно тогда были укоренены в этой сфере такие понятия, как «дух места», «повседневность», «символ», «документ» и другие. Понятийное обогащение теории охраны памятников происходит до сих пор. В самое последнее время, например, за счет юриспруденции, культурологии и, конечно, социально-культурной антропологии.

С другой стороны, многие теоретики – К. Боито, М.–А. Леноир, К. Шинкель, Э. Виолле-ле-Дюк – были практикующими архитекторами-реставраторами, знакомыми, в отличие от П. Мериме, Д. Рёскина, В. Гюго и прочих, с сугубо технической стороной дела. Соответственно, знание наук, способствующих развитию искусства консервации – физики, химии, математики, не могло не оставить отпечатка на их мировоззрении. Собственно, без технических дисциплин добротная реставрация и консервация невозможны вовсе, какие бы философские концепты не выдвигали мыслители. Именно так общественный культ наследия был эксплицирован в научную теорию его охраны, обладающую широчайшим междисциплинарным потенциалом.

Кроме идейной диффузии можно отметить наличие и более традиционной – межкультурной и географической. Географическая диффузионная концепция не рассматривает непосредственно происхождение культа наследия. Она пытается показать где зародилась эта область знания и как она распространилась практически по всем

⁷ Диффузионизм – направление в культурной антропологии, рассматривающее развитие общества через распространение культурных черт от одной культуры к другой путем добровольного заимствования или принуждения.

уголкам планеты. Рискну предположить, что изначально существовало два интеллектуальных центра – Вена и Париж⁸, откуда научные идеи сохранения памятников распространились вначале на всю Европу, затем на Америку, а потом и на остальные культуры. В Беларусь они проникли в первый раз в 1920–30-е гг. благодаря польской администрации. В Польше, в свою очередь, они получили распространение ввиду продолжительного нахождения части ее территории в составе Австро-Венгерской империи. Известно, что практически все польские реставраторы, занимавшиеся в межвоенное время восстановлением Вавеля – главного историко-культурного памятника Польши – получили свое образование в Вене.

Российская культурная среда воспринимала теории охраны наследия достаточно вяло, концентрируясь только на культовых памятниках. Все интеллектуальные концепты россиянами были позаимствованы из французской, австрийской и итальянской школ. После войны и установления железного занавеса русская реставрационная мысль постепенно теряет источники интеллектуальной подпитки и приходит в глубокий упадок⁹. Беларусь, будучи во времена Советского Союза интеллектуальной провинцией, к сожалению, не может похвастаться большим количеством достойных образцов реставрационного творчества, относящихся к советскому периоду. Как показывают последние события, даже теперь мы очень сильно ощущаем последствия советского периода.

Распространение культа наследия можно трактовать и как поступь глобализации. Основная организация, осуществляющая это распространение – ЮНЕСКО. Не будет преувеличением сказать, что иногда культ наследия принимает черты колониальной политики. Однако есть и «постколониальные» сдвиги – Японии удалось преодолеть стандарт европейского концепта аутентичности материальной субстанции памятника¹⁰.

В рамках концепции диффузионизма мы говорим прежде всего о распространении академических теорий его охраны. В каждой местности сами объекты каким-то образом сумели «дождаться» появления данных теорий и не были разрушены. Многие из объектов и в древнеримские времена были объектами почитания, до возникновения каких-либо научных теорий охраны наследия.

Функционализм¹¹

Функциональная теория происхождения культа наследия в отдельных случаях могла бы потягаться в убедительности с эволюционной. Особенно для некоторых культур, неспособных принять теорию охраны наследия как институт духовной культуры, но принявших ее в качестве утилитарного средства заработка.

Практически во всех восточноевропейских городах (Киев, Минск, Витебск и т.д.) а также во многих западноевропейских (Тоledo, Париж, Вена) самые старые здания – культовые – церкви, костелы, кирхи, синагоги. Почему так получилось? Видимо, потому что культ наследия распространился на них в первую очередь. Возможно, это было связано с тем, что эти здания изначально создавались как памятники, силами мастеров нескольких поколений, и на святое не поднималась рука варвара. Вероятно также само осознание религиозного культа породило почитание здания, служащего «лицом» религиозной общины. Даже в случае повреждения здание не разбирали, а восстанавливали. Часто в ином архитектурном стиле, но, по сути, оно оставалось все тем же зданием. В любом случае, залогом продолжительного существования объекта оставалась исполняемая им функция.

⁸ Многие бы добавили сюда Рим.

⁹ См. подробнее: Памятники архитектуры в Советском союзе. – М.: Памятники ист. мысли, 2004. – 694 с.

¹⁰ Подробнее об этом см. в статье «Историко-культурное наследие как аналитический концепт».

¹¹ Функционализм – направление в культурной антропологии, в рамках которого культурные институты рассматриваются с точки зрения удовлетворения потребностей, интересов, запросов людей.

Другим старейшим объектом в городах стали королевские/княжеские замки. Обилие материальных средств, затраченных на их постройку и поддержание в исправном виде, позволяло им переживать самые тяжелые времена. Сакральность места – источника власти – сделало возможным их сохранение даже после упразднения гегемонии местной аристократии и после перепрофилирования зданий под общественные нужды. Опять же, обобщая, все дело в функции, которую исполнял объект.

Наконец, в наши дни бизнес-проекты, связанные с организацией культурных, досуговых центров, а также с развитием различных видов туризма внесли огромный вклад в осознание важности сохранения многих архитектурных объектов, ранее не считавшихся историко-культурным наследием. Например, многие индустриальные центры Западной Европы и США в 1970–80-х гг. в связи с переносом основных промышленных сил на азиатское пространство оказались подвержены глубокому экономическому и социальному кризису. Именно в них зародилась идея значимости бывших зданий заводов и фабрик с культурно-исторической точки зрения. Так было, например, в британских городах Ливерпуль, Манчестер и др., где удачно продуманные проекты по реновации и интерпретации промышленных объектов позволили притянуть широкие потоки туристов из самой Англии, а позже и со всего мира. Местная деловая активность переориентировалась на обслуживание туристов. В связи с этим были минимизированы последствия социального коллапса, вызванного закрытием предприятий¹². Вновь определяющий фактор – функция.

Сегодня в Беларуси разворачивается несколько другой по смысловому наполнению процесс. Другой – потому что наследие буквально на наших глазах сменило в государственном дискурсе свою функцию с определяющего фактора закрепления национального самосознания на развитие рекреационного продукта. В самом деле, ведущим мотивом активизации работы местной администрации с историко-культурными памятниками является именно использование их в туристских целях. Тем самым памятники обретают новую, несвойственную им прежде функцию – инструмент для заработка денег. Причем активизируется не охрана, а скорее их ревитализация, к тому же иногда непродуманная, когда за минимальный срок и минимальными средствами пытаются добиться максимального внешнего эффекта, часто не задумываясь о необходимости сущностных преобразований объекта.

Недавно мне в руки попала распечатка материалов пленума «Охрана памятников истории и культуры Могилёвской области в контексте развития регионального туризма». Пленум проводился Могилевским областным советом общества охраны памятников истории и культуры и посвящался вопросам охраны памятников, развитию туристской сферы Могилевского Поднепровья. Подобные мероприятия проводились в каждом белорусском областном центре. В сборнике выделяется одноименная статья, написанная С.И. Беспанским – заместителем председателя упомянутой организации. По моему мнению, его умозаключения довольно типичны для Беларуси.

Общий пафос статьи: с каждым годом советское правительство, начиная с 1917 г., неустанно наращивало заботу о культурных ценностях, всемерно создавая условия для год от года более тщательной их охраны. К сожалению, в итоге в Могилеве было разрушено или перепрофилировано «за ненадобностью» большинство самых значимых памятников старины.

«С развалом СССР и всеобщим идеологическим кризисом в бывших советских республиках наметилась тенденция пренебрежительного отношения к памятникам недавнего коммунистического прошлого, а также связанным с историей Российской империи... И только с 2002 г. уже в суверенной Республике Беларусь наметилась тенденция более внимательного государственного отношения к историко-культурному наследию в целях развития внутреннего туристского продукта. Разумеется, что без

¹² Подробнее об этом см. в другом разделе настоящей книги «Индустриальное наследие: что это такое и как с ним поступить?»

должного финансирования реставрации памятников истории и культуры все начинания в турсфере будут обречены на имитационный характер. Внимание к развитию туризма оправдано с идеологической, воспитательной, финансовой, образовательной и даже оздоровительной точек зрения...¹³».

Именно в 2002 г. правительством была разработана государственная Программа реставрационных работ, утверждённых Советом Министров Республики Беларусь, с финансированием из республиканского бюджета. С целью развития туристических зон в области разработан целый комплекс мероприятий по строительству, восстановлению и реставрации различных объектов. «Так, в 2005 г. благодаря реализации ряда ранее разработанных мероприятий объем туристических услуг в Могилевской области, по данным за январь-апрель, вырос по сравнению с таким же периодом прошлого года в два раза и составил 229 млн. бел. руб. Много это или мало – судить читателю...¹⁴». Получается, что в цитируемом тексте косвенно эффективность программы реставрационных работ увязывается с доходом от реализации услуг. Не будь выгода от развития туризма столь очевидной, еще неизвестно как сложилась бы судьба памятников в республике сегодня. Таким образом, вновь главным источником актуализации культа памятников стало их функциональное использование.

Против функционализма говорит практика ремонта, а иногда и полного восстановления из руин тех объектов, которые вследствие разрушения уже не могли исполнять свою функцию. Так, в Польше известна практика возобновления строений костелов, пострадавших во время так называемого шведского «потопа» (1655–1660 гг.) в виде, приближенном к первоначальному. Само же понятие «реставрация» появилось в Голландии XVI в. и первоначально не имело отношения к охране античного наследия, настоящий культ которого начался в эпоху Ренессанса.

Конструктивизм¹⁵

Наиболее популярная сегодня в передовых научных кругах теория развития культа наследия – конструктивистская теория. Согласно ей памятники являются социальным конструктом, созданным и популяризированным средствами массовой информации для обеспечения достижения различных целей – политических, экономических и других.

Что согласно такому подходу делают люди с реликтами прошлого, дабы «превратить» их в свое наследие? Наиболее общая версия изложена в работе Д. Лоуэнталя «Прошлое – чужая сторона». Во-первых, заинтересованные люди идентифицируют и помечают объекты, удовлетворяющие ряду условий в качестве «памятников прошлого»; во-вторых, они демонстрируют эти объекты другим людям; в-третьих, защищают их от разрушительных воздействий природы и цивилизации (например, в противоречии с предыдущим пунктом, ограничивают к ним доступ публики); в-четвертых, реставрируют в предполагаемом прежнем облике; в-пятых, перемещают в специальные хранилища, в другие города и страны; в-шестых, приспособливают (например, исторические здания) к новым функциям. Параллельно создаются новые, искусственные реликвии: дубликаты, не претендующие на подлинность; подделки, выдаваемые за оригиналы; инсценировки исторических событий (сражений и т.п.); эмуляции, то есть обновленные, переосмысленные подражания; коммеморации, то есть монументы и мемориалы, служащие условными знаками фактов прошлого¹⁶.

¹³ Охрана историко-культурного наследия Могилевской области в контексте развития регионального туризма: Материалы пленума 22 марта 2006 г. – Могилёв, 2006. – С. 28.

¹⁴ Там же. – С. 32.

¹⁵ Конструктивизм – одна из теорий национализма, рассматривающая нацию, как результат политических, экономических и иных манипуляций.

¹⁶ Подробнее см.: Лоуэнталь Д. Прошлое – чужая сторона. – Москва: Владимир Даль; Русский Остров, 2004. – С. 409-491.

Анализ некоторых составляющих современного постмодернистского гуманитарного дискурса дает исследователям повод придти к выводам о том, что культурное наследие конструируется скорее при помощи умственных усилий как внешнее выражение идентичности, действующей в многообразии направлений и уровней. Наследие – это одновременно и социальный факт, и социальный конструкт. Как все остальные социальные факты оно одновременно обладает активными и пассивными свойствами. Его пассивность оставляет за ним удел подчиненности естественному отбору, селекции: большинство элементов архитектурных объектов (любого вида и размера) не попадает в область наследия. Его активность заключается в способности наследия оказывать воздействие. Если какие-либо объекты были кем-то определены как наследие, они начинают накапливать и проявлять свою силу. Они начинают жить собственной жизнью, которая влияет на жизнь людей, на их способ мышления и в конечном счете может определять их политический выбор.

Наследие становится репрезентацией мнения населения о самом себе и определяет сообщество, которое стремится ужиться с соседними культурными системами для создания цельной структуры, пускающей корни в такие сферы как политика, экономика, использование ресурсов – всюду, где социальная жизнь затрагивает наши индивидуальные интересы.

Памятник является культурной доминантой прошлого, так же как и селекционной конструкцией индивидуальной и корпоративной идентичности. Наследие (в рамках данного подхода) является также частью и структурным элементом того комплекса представлений и практик, которые было бы удобно называть европейским модерном. По отношению к наследию принято считать, что оно было изобретено и развито в Северо-Западной Европе между 1500 и 1750 гг. в связи с изменением представлений о сущности истории, в силу общего научного прорыва, а также в связи с развитием концептов прав личности, верховенства закона и т.д. Также наследие разделяет с модерном его темную сторону, а именно селекцию и развитие наследия как концентрацию различия между «ими» и «нами», «чужими» и «своими». Наследие косвенно способствует всем ужасам шовинизма и фашизма, которые происходят от его неправильного использования¹⁷. Неслучайно развитие научной теории охраны наследия совпало с изобретением и распространением концепта «национализма» в Европе.

Историк Фернанд Бродель в книге «Самобытность Франции» писал, что нация может воспринимать себя лишь посредством того, что для нее является существенным, отождествляя себя со знаками и культурными кодами, которые известны лишь тем, кто прошел своеобразную «инициацию». Этими культурными кодами наделены и объекты наследия. И никакой турист, не будучи французом, не поймет истинного смысла собора Парижской Богоматери или Версальского дворца. Точно так же как и потомственный парижанин будет воспринимать эти объекты иначе, нежели марселец или лионец. Все дело в социализации и развитии национализма, который требует объединения определенного круга людей вокруг чего-то и отделения их же от других подобных сообществ. Параметры отделения – общий литературный язык, общая историческая память (наследие), религия и т.п. Попробуйте объяснить иностранцу символическое значение нового здания белорусской Национальной библиотеки или созданной к 60-летию Победы «Линии Сталина».

Какой бы привлекательной для объяснения культа наследия не казалась данная теория, все же необходимо иметь в виду наличие ряда контраргументов.

Во-первых, как и большинство современных идей, идеи наследия распространились и укоренились сегодня по всему миру, однако мы должны помнить, что они не являются «родными» для большинства народов и не являются в любом случае обязательным,

¹⁷ Pearce S.M. The Making of Cultural Heritage // Values and Heritage Conservation. Research Report. – Los-Angeles: The Getty Conservation Institute, 2000. – P. 59-64.

единственным или наилучшим путем конструирования отношений различных идентичностей на переходе от прошлого к настоящему. Многие объекты наследия почитаются не из-за их идейных качеств, но исключительно из-за эстетических или функциональных.

Во-вторых, конструктивистская теория кажется абсолютно верной для крупных, серьезных объектов (крепостей, замков, кафедральных соборов), национальных монументов. Проследив трансформацию их образа в глазах жителей той или иной местности, мы обнаружим прямое воздействие политических установок, стремления к героизации и идеализации национального прошлого и т.д. Но как же быть с более мелкими объектами, не ставшими объектами социального конструирования или даже противоречащими национальным мифам? Так, объектами наследия, подлежащими охране и популяризации во времена БССР, всегда оставались феодальные замки, принадлежавшие «польской» феодальной аристократии. Несмотря на антирелигиозный террор, советским правительством все равно декларировались намерения по охране церквей и костелов. В каждом населенном пункте вы без особого труда найдете объекты, одновременно почитаемые местными жителями и опровергающие национальный дискурс. В Варшаве это здание Дворца культуры и науки, в Гродно – плитка «Magistrat miasta Grodno». Практически в каждом городе Центральной Европы почитаются памятники советским воинам-освободителям от немецкой оккупации. В некоторых постсоциалистических странах памятники коммунистическим лидерам не были уничтожены, но перевезены в особые культурно-развлекательные парки.

В-третьих, в современном постмодерновом социальном пространстве культ памятников распространяется на все большее количество объектов к которым просто невозможно предъявить националистические требования – это сельское деревянное наследие, промышленное (индустриальное) наследие, историко-культурные ландшафты, «жилое» наследие (выделяется в последнее время в связи с массовым выселением жителей из исторических центров старых городов в пользу офисов и торговых центров).

Включение данных объектов в общую массу историко-культурного наследия показывает, что существуют и другие, альтернативные конструктивистскому, механизмы катализации культа наследия. Материалы, изложенные в самом первом разделе данной статьи, показывают, что такие механизмы существовали и в домодерновом обществе. Таким образом, конструктивизм не является непосредственным источником культа наследия. Это, скорее, механизм использования данного явления в корыстных целях определенных общественных групп.

Структурное направление¹⁸

Все вышеприведенные теории возникновения культа наследия имеют свои недостатки и объясняют преимущественно либо эволюцию самого феномена почитания, либо пути его актуализации. Как же обнаружить первоначальный толчок к возникновению культа? В чем первопричина? Ответить на эти вопросы, на мой взгляд, помогает структурная теория. Ее корни лежат в классической работе Клода Леви-Стросса «Структурная антропология». Нет, автор вовсе не рассматривает проблемы охраны памятников, однако он стал родоначальником нового методологического направления. Его базовые выводы следующие.

- Существуют универсальные принципы и способы культурной организации человеческого опыта, совместной жизни и деятельности; в свою очередь социальный опыт и социальная деятельность выступают как процессы построения знаковых и символических систем.

¹⁸ Структурализм - направление в культурной антропологии, связанное с рассмотрением культуры как организации представлений, знаний, упорядочения знаков, значений в символической форме.

- Существуют культуроорганизующие универсалии во всех сферах человеческой деятельности.
- В процессе создания устойчивых символов культуры в качестве первичных выступают психические принципы¹⁹.

Попробуем интерпретировать эти положения применительно к нашей теме. В каждой культуре существуют универсальные институты, которые могут выражаться совершенно по-разному, тем не менее выполняя одну культурную функцию и занимая свое положение в сложной структуре. Одним из таких институтов как раз и является «культ наследия». Скорее всего культ наследия – это материализованный культ предков.

С древнейших времен в каждой культуре существуют свои объекты почитания. У белорусов это были сначала языческие капища, потом их заменили деревенские кладбища и христианские храмы (там, где они были). Вполне возможно даже, что центральное сущностное место в почитании материальных «остатков» прошлого играли не предки, а сама память о былых временах, стремление легитимировать практику воспоминания. Последняя же, вероятно, является одним из защитных механизмов человеческой психики, выражается в стремлении вырваться за пределы настоящего пространственно-временного пространства. Отсюда же черпают силу и такие явления современности, как чтение художественной литературы, туризм и даже компьютерные игры. Кроме того, необходимо помнить какую сакральную роль в жизни человека всегда играла традиция.

Часто объекты наследия играют двоякую роль и могут побуждать к воспоминаниям помимо воли субъекта. Стремление сохранить память о человеке, о минувшей исторической эпохе, тяжесть утраты мешают оперировать с объектами наследия. Так, родственники в самое первое время после смерти близкого предпочитают ничего не трогать в его комнате. Другие же родственники (в других культурах), напротив – стремятся как можно быстрее уничтожить все предметы, которые напоминают им о прошлом. Мотив и тех и других действий один – сожаление об утрате и желание минимизировать психологическую травму.

Архитектура является колоссальным и, вероятно, только теперь осознанным и начинающим цениться носителем информации. И это – всегда востребованная информация о прошлом. Исконно строительство сооружений любого размера и любого функционального предназначения, как в сельской местности, так и в городах, сопровождалось массой культурно-обусловленных правил. Это – соблюдение множества примет и обычаев, традиционность строительной практики, но традиционность не пассивная, а креативная. Каждый раз в любое строительное действие мастерами вкладывался определенный смысл. Конкретной смысловой нагрузкой (часто сакральной) обладал практически каждый архитектурный элемент – количество венцов избы, планировка жилища, форма крыши, орнаментация оконных и дверных проемов. Безусловно, сведения об их значении в эпоху неразвитой письменной культуры очень быстро терялись. Однако осознание самого наличия смысловой нагрузки сохранялось. Именно поэтому возник институт пассивной традиции, направленный на слепое воспроизведение старых форм. Но и тогда эта пассивная традиция была все-таки не совсем пассивной, а, повторюсь, креативной, потому что каждое действие с потерянным смыслом повторялось и наделялось новым смыслом, уже отличным от первоначального.

Боязнь нарушить сакральный замысел предков с непредсказуемыми для настоящего последствиями, а также вероятная надежда на последующее повторное обретение смысла, вероятно, стала причиной для формирования мысли о недопустимости разрушения старых построек – прообраза культа наследия.

¹⁹ См. подробнее: Отюцкий Г.П. История социальной (культурной) антропологии. – М.: Академический проект, 2003. – 400 с.; Леви-Стросс К. Структурная антропология. – М.: Академический проект, 2008. – 560 с.

Даже в случае необходимости переселения в новое жилище вследствие ветхости старого люди стремились сохранить его преемственность путем перенесения некоторых конструктивных элементов или деталей интерьера своего старого дома в новый.

Некоторые исследователи называют это явление «прогрессирующей ностальгией» по «прошлему» родному дому, где под домом может пониматься не только жилище, но и «добрые старые времена»²⁰. Как говорится, хорошо там, где нас нет.

Ранее в тексте статьи уже отмечалось, что культ памятников имеет свойство активизироваться именно в моменты ускорения модернизации городов. Объяснение такому феномену, вполне приемлемое в рамках структурной теории наследия, дал французский исследователь Пьер Нора:

«Результатом ликвидации памяти является общее стремление все регистрировать. За одно поколение воображаемый музей архивов чрезвычайно пополнился. 1980 г. – Год наследия – стал ярчайшим примером этого, расширив значение понятия до самых крайних пределов неопределенности. От очень ограниченной концепции исторических памятников вместе с конвенцией об исторических местах 1972 г. совершается резкий переход к понятию, от которого теоретически ничто не должно ускользнуть.

Следует не только все охранять, но и все сохранять из указующих знаков памяти, даже если точно неизвестно, признаками какой памяти они являются. Создание архива стало императивом эпохи...

В прошлом мы знали, чьи мы были сыновья. Сегодня мы знаем, что мы дети ничьи и всего мира. Ничего не ведая о том, из чего будет сконструировано прошлое, неуверенное беспокойство превращает все в след, в возможный признак, в намек истории, которой мы заражаем невинность вещей. Наше восприятие прошлого – это страстное овладение тем, что не принадлежит нам больше.

Как не увидеть в этом вкусе к повседневности прошлого единственный для нас способ восстановить медлительность дней и запахи вещей? И в этих биографиях анонимов как не увидеть способ дать нам понять, что массы состоят не из масс? Как не прочесть в этих посланиях прошлого, данных нам микроисторическими исследованиями, стремление приравнять историю, которую мы восстанавливаем, к истории, которую мы переживаем сами?²¹»

Дальнейшее развитие структурной теории происхождения культа наследия позволяет сделать ряд эмпирических предположений, которые социально-культурным антропологам еще предстоит проверить.

Во-первых, количество памятников в каждой культуре соразмерно потребности в памяти. Если институт памяти в различных культурах развит одинаково (в той или иной мере он развит абсолютно у всех), следовательно и общий объем наследия в этих культурах приблизительно равен. Дело только в том, что он может не совпадать типологически, что и вызывает недоразумения у историков и этнологов. Так, в западных странах основной объем наследия составляют каменные постройки, а в Восточной Европе – деревянные.

Во-вторых, чтобы по настоящему оценить весь объем наследия в его типологическом многообразии, необходимо быть членом исследуемой культуры. Только ее истинный представитель умеет считывать нужную информацию с материальных объектов.

В-третьих, ценностное значение, придаваемое отдельным, типологически равным объектам наследия, в каждой культуре приблизительно равно. Поэтому Кельнский собор

²⁰ Неологизм «ностальгия» (композиция греческих слов *nosteo* – «благополучно возвратиться домой» и *algos* – «боль») был введен в 1688 г. в диссертации немецким врачом Иоханнесом Хофером, чтобы описать тоскливые настроения швейцарских наемников, сражающихся вдалеке от их родной страны – настроения, которые могли кончаться даже попытками самоубийства.

²¹ Нора П. Проблематика мест памяти // <http://ec-dejavu.ru/m-2/Memory-Nora.html>

по своей культурной роли и степени воздействия на жителей города вполне равен, к примеру, церкви Св. Николая в белорусских Поставах.

Итак, мы рассмотрели основные теории происхождения феномена культа наследия. Все они являются производными от крупнейших антропологических направлений. Трудно выделить среди них центральную, самую «правдоподобную», да и есть ли в этом необходимость, учитывая существующее культурное разнообразие? Скорее всего, они удачно взаимодополняют друг друга.

Безусловно, рассмотренные теории в предложенном ключе никогда ранее не обсуждались, поэтому за ними очень трудно обнаружить реальные научно-исследовательские силы. Консолидации их препятствовал до сих пор слишком широкий междисциплинарный разброс предмета исследования. Тем не менее, в настоящей работе они стали объектом внимания социально-культурной антропологии, обладающей необходимым методологическим потенциалом. Взятые в совокупности, эти теории могут составить первую часть современной антропологической теории недвижимого наследия, обращенную к исследованию базовых, ранее имплицитных понятий наследия.